

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПОСРЕДСТВОМ НАСИЛИЯ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ И СТРАН СНГ

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CRIMES AGAINST FAMILY AND MINORS COMMITTED BY MEANS OF VIOLENCE UNDER EXISTING CRIMINAL LEGISLATION OF RUSSIA AND CIS COUNTRIES

D. Popov

Annotation

In the work the author analyzes and compares the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on crimes against the family and minors committed through violence (part 1 and 3 of article 150, part 1 and 3 of article 151, art.156 of the Criminal Code), with similar provisions contained in the Criminal Codes of the countries – participants of the Commonwealth of Independent States (CIS). Common and distinctive features are revealed in the criminal legal regulation of the protection of minors against socially dangerous assaults committed through violence in the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Codes CIS countries. On the basis of comparative analysis of the findings, which can be used to improve the current Russian criminal legislation.

Keywords: minor, involvement in committing a crime and antisocial actions, cruel treatment, incitement, violence, violent methods.

Попов Дмитрий Владимирович
Аспирант,
Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

Аннотация

В работе автором анализируются и сопоставляются нормы УК РФ о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия (ч.ч. 1 и 3 ст.150, ч.ч. 1 и 3 ст.151, ст.156 УК РФ), с аналогичными нормами, содержащимися в Уголовных кодексах стран – участников Содружества Независимых Государств (СНГ). Выявляются общие и отличительные моменты в уголовно-правовой регламентации охраны несовершеннолетних от общественно-опасных посягательств, совершаемых посредством насилия в Уголовном кодексе РФ и Уголовных кодексах стран СНГ. На основе проведенного сравнительного анализа сделаны выводы, которые могут быть использованы в целях совершенствования действующего российского уголовного законодательства.

Ключевые слова:

Несовершеннолетний, вовлечение в совершение преступления и антиобщественные действия, жестокое обращение, подстрекательство, насилие, насильственные способы.

Стоящая перед наукой уголовного права задача по выработке рекомендаций по улучшению качества действующего уголовного законодательства Российской Федерации может быть успешно решена, в том числе и путем изучения опыта законодателя зарубежных стран.

Мы солидарны с А.А. Малиновским, который, отмечая высокое значение сравнительного метода исследования, очень верно заметил, что компаративист, проводящий сравнение российского уголовного права с зарубежным, неизменно расширяет предмет науки отечественного уголовного права, тем самым обогащая ее новыми знаниями. В его поле зрения попадают те проблемы, которые еще не решены отечественной юриспруденцией или даже не поставлены. Российская уголовно-правовая наука не должна быть самодостаточна. Исходя из положения о неравномерности эволюции мировых цивилизаций, можно утверждать, что некоторые государства находятся на ином, нежели Россия, уровне культурно-правового раз-

вития. Сравнительное исследование дает возможность выявить и учесть чужие ошибки и достижения при решении вопросов о преступности и наказуемости конкретных деяний [1, С. 11].

В ходе проводимого сравнительно-правового анализа нами ставилась задача осуществить сопоставление норм УК РФ о преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия (ч.ч. 1 и 3 ст.150, ч.ч. 1 и 3 ст.151, ст.156 УК РФ), с аналогичными нормами, содержащимися в Уголовных кодексах стран – участников Содружества Независимых Государств (СНГ): Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Узбекистан.

При выборе данных стран мы исходили из общих исторических предпосылок происхождения уголовного законодательства Российской Федерации и уголовного законодательства указанных государств.

Следует заметить, что в подавляющем большинстве, за исключением Республики Узбекистан (Уголовный ко-

декс веден в действие с 01 апреля 1995 г.), основой нового уголовного законодательства этих стран явились рекомендательные законоположения Модельного Уголовного Кодекса СНГ, который был разработан на основании постановления Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ от 28 октября 1994 г. "О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества независимых государств" и одобрен этой же ассамблеей 17 февраля 1996 г.

Как показал сравнительный анализ, во всех УК стран – участниц СНГ, присутствует аналогичная ч.ч. 1,3 ст. 150 УК РФ норма о вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, а квалифицирующим признаком – исключение здесь лишь составляет УК Республики Узбекистан – выступает применение насилия или угроза его применения.

Несмотря на отмеченную типичность, изложение диспозиций рассматриваемого состава преступления в ряде указных стран имеют свои особенности.

В первую очередь это наблюдается в уголовном законодательстве Казахстана, Молдовы и Узбекистана.

В частности, в ч.1 ст.132 УК Республики Казахстан сказано следующее: "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение уголовных правонарушений лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – наказываемся..." [9].

Как видим, существенными отличиями являются, во-первых, использование казахским законодателем понятие "уголовные правонарушения", под которыми согласно ч.1 ст. 10 УК Республики Казахстан понимаются и преступления и уголовные проступки. Отметим, что указанное деление незнакомо российскому уголовному закону и на наш взгляд, для УК РФ оно неприемлемо, поскольку само по себе деление внутри уголовного кодекса на преступления с большей и меньшей общественной опасностью ведет к размыванию самой сущности уголовно-правового понятия "общественная опасность" и его отличия от административных правонарушений.

Во-вторых, установлена ответственность за вовлечение в совершение уголовных правонарушений, а не в единичное преступления, как это предусматривает соответствующая норма УК РФ, которая в этом плане более точна.

В-третьих, отсутствие в диспозиции указания на такие способы вовлечения несовершеннолетнего как обещание, обман, угрозы и иные. В тоже время в качестве особо квалифицирующего признака в ч.3 ст.132 УК Республики Казахстан закреплены такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения. Данное законодательное решение присутствует и в ч. 3 ст. 150 УК РФ.

О вовлечении несовершеннолетних в преступную деятельность говорится и в ч.1 ст. 208 УК Республики Молдова [6, С. 273]. Согласно данной норме наказуемым признается и побуждение несовершеннолетних к совершению преступлений. В ней же мы обнаруживаем отсутствие законодательного закрепления таких способов во-

влечения как обещание, обман, угрозы и иные, а понятия "несовершеннолетних" и "преступлений" используется во множественном числе.

Вместе с тем следует отметить, что в ч.3. ст. 208 УК Республики Молдова как и ч. 3 ст. 150 УК РФ в качестве особо квалифицирующего признака названы такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения.

В УК Республики Узбекистан вовлечение несовершеннолетнего в преступление вообще не выделено в отдельную статью, а является частью третьей ст. 127 [8, С. 158–159], имеющей название "Вовлечение несовершеннолетнего в антисоциальное поведение". В диспозиции указанной нормы также не прописаны способы вовлечения несовершеннолетнего: обещание, обман, угрозы и иные. Более того, в ней в отличие от аналогичной нормы, содержащейся в уголовном законодательстве других стран – участников СНГ, не закреплены такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения.

Следует отметить, что уголовному наказанию по ч.3 ст.127 УК Республики Узбекистан подлежит лицо, вовлекшее в преступление двух или более несовершеннолетних.

Свою особенность имеет и УК Республики Армения. Обратившись к ч.1 ст. 165 данного уголовного закона, читаем следующее: "Вовлечение путем обещаний, обмана или иным способом в совершение преступления несовершеннолетнего, достигшего возраста уголовной ответственности, установленного настоящим Кодексом для данного преступления, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – наказываемся..." [4, С. 208–209].

Итак, в приведенной диспозиции присутствует дополнительное требование к несовершеннолетнему лицу – достижение возраста уголовной ответственности за преступление, в которое оно вовлекается. Помимо этого к отличиям можно добавить и отсутствие угрозы как способа вовлечения.

Изучение уголовного законодательства остальных стран – участниц СНГ: Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Кыргызской Республики и Республики Таджикистан показало, что содержащиеся в Уголовных кодексах данных стран правовые нормы, посвященные вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления, по своему содержанию в основном согласуются с ч. 1 ст.150 УК РФ.

Обратившись, например, к ч.1 ст.165 УК Республики Таджикистан, в которой сказано: "Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – наказываемся..." [7, С. 175–176], мы можем констатировать, что она полностью повторяет соответствующую норму УК РФ.

Тождественное содержание имеет и ч.1 ст.156 УК Кыргызской Республики [3, С. 170–171].

Непринципиальные отличия от сравниваемой российской уголовно-правовой нормы имеются в уголовном законодательстве Азербайджанской Республики и Республики Беларусь. В первом случае в ч.1 ст. 170 УК Азербайджанской Республики имеет место исчерпывающий перечень способов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления [2, С. 188]. Во втором – добавленное белорусским законодателем в ч.1 ст. 172 [5, С. 124] понятие "заведомо несовершеннолетнего".

Завершая сравнительное исследование правовых положений о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления, содержащихся в уголовном законодательстве стран-участников СНГ, отметим, что такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения в качестве квалифицирующего признака содержатся во всех УК данных стран, за исключением Республики Узбекистан.

Дальнейшее изучение уголовного законодательства на предмет выявления правовых норм, имеющих аналогичные либо схожие признаки с ч.ч. 1,3 ст. 151 УК РФ показало, что в Уголовных кодексах Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан таковые имеются.

Кроме того было установлено, что им присущи как общие, так и особенные (отличительные) моменты с рассматриваемой российской нормой.

Общими, как нам представляется, является отнесение к числу антиобщественных таких действий, как употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством, а также закрепление в качестве квалифицирующего признака – применение насилия или угрозы его применения как способа вовлечения несовершеннолетнего в совершение данных действий.

Что касается отличий, то их можно разделить на две группы: первая – "терминологические", вторая – "конструктивные".

К первой группе мы предлагаем отнести различия в терминах, которые используются российским законодателем и законодателями названных зарубежных стран при описании одного и того же антиобщественного действия.

Так, в ч.1 ст. 151 УК РФ говорится о вовлечении несовершеннолетнего в систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции. Тогда как в ч.1 ст. 166 УК Республики Таджикистан мы читаем: "Вовлечение несовершеннолетнего лица в систематическое употребление спиртных напитков..." [10].

Данный терминологический оборот – "употребление спиртных напитков" мы встречаем также в ч.1 ст.127 УК Республики Узбекистан [8, С. 158], ч.1 ст.173 УК Республики Беларусь [5, С. 124] и ч.1 ст.133 УК Республики Казахстан [9].

Иной терминологический оборот продемонстрировал законодатель Кыргызской Республики, установив в ч.1 ст. 157 [3, С. 168] национального уголовного законода-

тельства ответственность за вовлечение несовершеннолетнего лица в пьянство. В свою очередь армянский законодатель в ч.1 ст. 166 УК Республики Армения предусмотрел наказание за "употребление алкогольных напитков" [11].

Следует отметить, что указание на признак "систематическое" присутствует в соответствующих статьях УК Республики Армения, УК Республики Беларусь, УК Республики Таджикистан. Вместо признака "систематическое" казахский законодатель употребляет понятие "неоднократное", в то время как узбекский законодатель как следует из диспозиции ч.1 ст.127 УК Республики Узбекистан и вовсе не указывает ни на один из этих признаков.

Терминологическое отличие, на наш взгляд, имеет место и в следующем случае.

В диспозиции ч.1 ст.151 УК РФ законодателем используется оборот "систематическое употребление ... одурманивающих веществ".

В тоже время в ч. 1 ст.166 УК Республики Таджикистан [10] законодателем прописано – "в систематическое, немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ".

Данный терминологический оборот мы встречаем также в ч.1 ст. 173 УК Республики Беларусь [5, С. 124]. В ч.1 ст. 166 УК Республики Армения [11] также установлена ответственность за вовлечение в немедицинское употребление сильнодействующих или иных одурманивающих веществ, с тем лишь отличием, что отсутствует указание на признак "систематическое".

К "конструктивным" отличиям предлагаем относить различия в понятиях, которые образуют объективную сторону вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

К числу таких отличий следует отнести понятие, встречающееся, например, в диспозиции ч.1 ст.166 УК Республики Таджикистан, которая гласит: "Вовлечение несовершеннолетнего лица в систематическое употребление спиртных напитков систематическое, немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, в проституцию, бродяжничество или попрошайничество, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, – наказуется..." [10].

Сопоставление данной диспозиции с диспозицией ч.1 ст.151 УК РФ позволяет констатировать, что понятия, а вернее сказать, понятийный оборот – "в проституцию" и есть конструктивное отличие.

Аналогичное отличие встречается в ч.1 ст.166 УК Республики Армения [11]. Кроме того в диспозиции указанной статьи фигурируют следующий понятийный оборот – "в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера", который также следует отнести к конструктивным отличиям.

К ним же относится понятийный оборот – "в токсикоманию", который встречается в ч.1 ст.133 УК Республики Казахстан [9], а также "наркотических веществ", упомяну-

тый в ч.1 ст. 157 УК Кыргызской Республики [3, С. 168].

Особого внимания заслуживает правовая норма УК Республики Узбекистан, ч.1 ст.127 которой гласит: "Вовлечение несовершеннолетнего в попрошайничество, употребление спиртных напитков, веществ или средств, не являющихся наркотическими или психотропными, но влияющих на интеллектуально-волевую деятельность, совершенное после применения административного взыскания за такие же действия, – наказывается..." [8, С. 158–159].

Полагаем, в ней содержатся как "терминологические", так и "конструктивные" отличия.

К первым мы бы отнесли "употребление...веществ или средств, не являющихся наркотическими или психотропными, но влияющих на интеллектуально-волевую деятельность", поскольку данный понятийный оборот, по сути, обозначает "употребление одурманивающих веществ", содержащиеся в ч.1. ст. 151 УК РФ.

Ко вторым причислили бы отсутствие в анализируемой диспозиции понятия "систематическое" применительно к фразе "употребление спиртных напитков, веществ или средств, не являющихся наркотическими или психотропными, но влияющих на интеллектуально-волевую деятельность", а также условие, от наступления которого законодатель связывает возможность привлечения виновного лица к уголовной ответственности по ч.1 ст.127 УК Республики Узбекистан. Речь идет о фразе – "совершенное после применения административного взыскания за такие же действия".

Наибольшие отличия имеет ст. 171 УК Азербайджанской Республики, в ч.1 которой сказано: "Вовлечение несовершеннолетнего в занятие проституцией, либо совершение иных аморальных действий, – наказывается..." [2, С. 189], а также ч.1 ст. 208 УК Республики Молдова, согласно которой наказуемым признается склонение несовершеннолетнего к аморальным действиям (попрошайничество, азартные игры, разврат и др.), совершенные лицом, достигшим 18 лет [6, С. 273].

Сравнивая положение ч.1 ст. 151 УК РФ и данные правовые нормы, замечаем принципиальные конструктивные отличия между ними, заключающиеся как в разности содержательной стороны понятий "антиобщественные действия" и "аморальные действия", так и в исчерпывающем перечне первых и открытом перечне вторых. Добавим к этому и то, что молдавские законодатели вместо понятия "вовлечение" применяют "склонение".

Завершая сравнительный анализ правовых положений о вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий, содержащихся в уголовном законодательстве стран СНГ, отметим, что такие способы вовлечения, как применение насилия или угроза его применения в качестве квалифицирующего признака содержатся во всех УК данных стран, за исключением Республики Узбекистан.

Что же касается наличия в уголовном законодательстве данной группы стран правовых норм, схожих со ст. 156 УК РФ, то последние присутствуют в Уголовных ко-

дексах Республики Армения, Республики Казахстан, Кыргызской республики, Республики Таджикистан.

Так, в диспозиции в ст. 161 УК Кыргызской Республики, практически дословно воспроизводящей российскую норму, мы читаем следующее: "Неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетним, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним, – наказывается..." [3, С. 170–173].

Положения, аналогичны приведенной норме, мы также встречаем в ст. 174 УК Республики Таджикистан [10] и ч.2 ст.140 УК Республики Казахстан [9].

Подобную редакцию воспроизводит ст. 170 УК Республики Армения [4, С. 208–209] с той лишь разницей, что жестокое обращение с несовершеннолетним признается квалифицирующим признаком состава преступления.

В ходе сравнительно-правового исследования установлено, что ст. 176 УК Республики Беларусь также содержит понятие "жестокое обращение". Так в ней прописано: "Использование опеки или попечительства в корыстных целях, либо жестокое обращение с подопечными, либо умышленное оставление их без надзора или необходимой помощи, повлекшие существенное ухудшение прав и законных интересов подопечных, – наказываются..." [5, С. 126].

В тоже время из текста приведенной нормы видно, что белорусский законодатель оперирует понятиями "подопечный" и "опека или попечительство", тогда как российский законодатель – "несовершеннолетний" и "родители". Учитывая, что опека и попечительство устанавливаются в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также совершеннолетних лиц, признанных судом недееспособными вследствие психического расстройства (душевно болезни или слабоумия) [12], приходим к выводу – сферу уголовно-правовой охраны ст. 176 УК Республики Беларусь составляют отличные от ст. 156 УК РФ общественные отношения.

В Уголовных кодексах Азербайджанской республики, Республики Молдова и Республики Узбекистан нормы, аналогичные либо имеющие схожие признаки со ст. 156 УК РФ, отсутствуют.

Правда, стоит отметить, что УК Республики Молдова содержит норму, посвященную насилию в семье. Так, в ч.1 ст. 201–1 сказано: "Насилие в семье, то есть намеренное физическое или вербальное действие или бездействие, совершенное одним членом семьи по отношению к другому члену семьи, причинившее физические страдания, сопряженные с легкими телесными повреждениями или незначительным вредом здоровью, нравственными страданиями либо материальный или моральный ущерб, наказывается..." [13].

Из содержания данного правового предписания,

можно заключить, что кроме прочего, оно направлено и на защиту интересов несовершеннолетнего члена семьи от причинения вреда его физической и психической сферам.

Проведенный анализ исследуемых уголовно-правовых норм, содержащихся в уголовных кодексах стран СНГ с российскими правовыми нормами (ч.ч.1,3 ст. 150, ч.ч.1,3 ст. 151, ст. 156 УК РФ), дает основание констатировать, что в подавляющем большинстве случаев сравниваемые нормы имеют между собой много общих моментов, что сказалось и на схожести диспозиций сопоставляемых статей. В тоже время имеется ряд отличий.

Так, в соответствующих статьях уголовного законодательства Молдавии законодатель оперирует понятиями "склонение", "побуждение" и "подстрекательство", тогда как их российский коллега при написании диспозиций ч. 1 ст. 150 и ч.1 ст.151 УК РФ использует понятие "вовлечение", которое имеет иное по объему содержание.

Принципиальным отличием является и то, что без правовой регламентации (закрепления) в соответствующих статьях ряда УК Узбекистана остались способы вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественные действия, включая такие из них, как насилие или угроза его применения.

Имеются различия и в перечне антиобщественных действий, содержащихся в ч.1 ст. 151 УК РФ и соответствующих статьях УК стран – участников СНГ. Согласно последним в него включено также вовлечение "в проституцию или другую сексуальную практику", "в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера" и "наркотических веществ". В УК РФ эти деяния образуют составы самостоятельных преступлений.

И наконец, в уголовно-правовых нормах отдельных стран мы обнаружили включение законодателем дополнительного условия привлечения виновного лица за вовлечение несовершеннолетнего в совершение в преступление, а также в совершение антиобщественных действий.

Например, согласно УК Республики Армения (ч.1 ст.165) необходимо, чтобы несовершеннолетний достиг возраста уголовной ответственности за преступление, в которое оно вовлекается.

Дополнительное условие, присутствующее и в УК Республики Узбекистан (ч.1 ст.127), заключается в том, что к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий подлежит лицо, к которому уже было применено административное взыскание за такие же действия. В данном случае мы имеем дело с таким правовым институтом как "административная преюдиция", смысл которого заключается в том, что деяние становится преступлением, если оно совершено после наложения административного взыскания за такое же нарушение. Заметим, что вопрос административной преюдиции в российском уголовном праве является дискуссионным.

Указанная норма узбекского законодателя интересна в плане политики декриминализации преступлений, граничащих с проступками.

Мы привыкли критиковать свое уголовное законодательство за различные недостатки, однако сравнительный анализ норм УК РФ об ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия и соответствующих положений, содержащихся в уголовных кодексах стран СНГ показал, что в целом российские нормы полно обеспечивают уголовно-правовую охрану общественных отношений, складывающихся по поводу нормально (здорового) физического и психического развития несовершеннолетнего. В то же время считаем, что необходимо продолжать работу по совершенствованию правовых норм российского законодателя об ответственности за преступления против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия. Одними из направлений такой работы является криминализации новых способов, в том числе и насильственных совершения данных преступлений, а равно раскрытие на законодательном уровне понятия "жестокое обращение" с несовершеннолетним.

ЛИТЕРАТУРА

1. Малиновский А.А. Сравнительное уголовное право: учебник. – М.: Юрлитинформ, 2014. С.11.
2. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. СПб., 2001. С.188–189.
3. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. СПб., 2002. С. 168, 170–171.
4. Уголовный кодекс Республики Армения. СПб., 2004. С.208–209.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск: Амалфея, 2008. С. 124, 126.
6. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб., 2003. С. 273.
7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. СПб., 2001. С.175–176.
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 158–159.
9. http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=68429 (дата обращения:02.11.2017).
10. http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2324 (дата обращения:02.11.2017).
11. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=7472 (дата обращения:02.11.2017).
12. <http://pravo.kulichki.com/otrasl/brk/brk00009.htm> (дата обращения:02.11.2017).
13. http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=3835 (дата обращения:02.11.2017).